

Нищие духом

«Художник должен сохранять дурь и наивность»
И.А. Кириллова

Умственно отсталые. Чтобы написать эти слова, нужно приложить усилие, преодолеть внутренний запрет, вызванный подозрением, что их воспримут как брань. Хотя эти люди ни в чем не виновны. Умственная ограниченность дается с рождением, как цвет глаз, волос, кожи.

Обычно мы считаем, что это не наши проблемы. Такие люди для нас прежде всего — чужие. Мы не хотим думать о них. Мы используем их для самоутверждения. Мы отделяем себя от них, не пытаемся понять, найти свое отношение к такой судьбе.

Чтобы найти отношение, нужно искать слабоумие в самом себе. Оно всегда есть. Ведь у каждого есть границы обучаемости и продуктивности. Тысяча слабостей. Я вот при всем старании не могла выучиться прыгать в высоту, петь, произносить слова на иностранном языке и — самое гадкое — писать по-русски без ошибок. По сравнению с теми, кто это умеет, я — неполноценна. Чтобы нормально жить, нужно принять свою слабость без чувства вины. Или мы принимаем свои слабости как свои особенности или ненавидим себя за них и становимся невротиками. Или мы принимаем природную особость другого, или, видя в нем недочеловека, становимся расистами.

Обычно мы защищаемся от людей с дефицитом интеллекта брезгливостью или отделяемся состраданием. Они — иные, но как все люди, они нуждаются не в сострадании, а в том, чтобы быть необходимыми. Они нуждаются в зоне, в которой могут реализовать себя и радовать других. Нужно, чтобы их хоть сколько-то понимали, нужно найти общий уровень. Заговорить на одном языке. Вот они заговорили на языке живописи, и это переключило наше внимание с их слабых сторон на сильные. Обычный взгляд: «мы более, они менее». Есть зона, в которой они — более. А большинство — менее. Живопись открывает те ценные качества, которые в них скрыты. Прежде всего каждый из них, как ребенок, оказывается способным к этому роду самовыражения. Нормальные взрослые обычно эту способность утрачивают.

Парадокс в том, что люди, ограниченные в своих умственных возможностях, создают живопись, достоинство которой увидит не массовый зритель, а лишь искусственный; главным образом — художник.

Колористы и среди художников большая редкость. Почему же умственно ограниченные оказываются сплошь хорошими колористами? Или первоначальное чувство цвета не погасло, не задавлено наслоениями? Имеет значение, что с группой, представленной на выставке, живописью занимается художник-живописец, а не ординарный учитель рисования. Но он утверждает, что научить «нормальных» взрослых живописи, при всем их желании, почти невозможно, потому что мешает зажатость, устоявшееся представление о том, что значит уметь рисовать, сводящееся к достижению сходства с объектом. Их невозможно расковать, побудить к творчеству.

Живопись людей с отклоняющимся интеллектом радуется непосредственностью, раскованностью, художественным чутьем. Если их специально не заставлять, они не стремятся копировать, создавать подобию. И цвет они используют не как описание предмета, а в его самоценности.

«Нормальные» люди обычно не понимают абстрактной живописи. Они же создают абстрактные картины, нимало не смущаясь тем, что на них ничего не изображено.

Живопись умственно ограниченных проникнута свойственной им добротой. В мире этих нищих духом преобладают свет и радость, добрые люди и добрые звери. Или действительно из этого рая изгоняют вкусивших от древа познания?

Резонанс: Каталог выставки. Группа людей с ограниченными возможностями.
СПб.:Гос. Музей «Царскосельская Коллекция.2007